

Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость?

Аннотация. Активно отстаиваемая идея Верховного Суда РФ о включении в уголовное законодательство уголовного проступка нашла отражение в переработанном проекте федерального закона, внесенного в парламент 13 октября 2020 г. Цель исследования — определив ключевые изменения в содержании предлагаемых к закреплению в УК РФ институтов уголовного проступка и иных мер уголовно-правового характера, оценить объективную потребность иницируемых Верховным Судом РФ реформ. Методологическую основу составляет совокупность методов научного познания. Используются общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частнонаучные методы исследования (системно-структурный, формально-юридический). Сравнительный анализ законопроектов позволяет отнести к ключевым изменениям содержательное наполнение деяний, образующих уголовный проступок, и модификацию иных мер уголовно-правового характера. Авторы критически оценивают идею, положенную в основу отнесения деяний к уголовным проступкам. Закладывая в критерии обособления минимальных по степени опасности деяний не юридически значимые признаки состава преступления, а виды и размеры наказаний, отсутствие криминального опыта, интересы предпринимательского сообщества, разработчики законопроекта нарушают систему права, так как предложенный подход исключает оценку общественной опасности деяния исходя из значимости охраняемых уголовным законом общественных отношений. Теряется смысл заявленной инициатором реформ дифференциации уголовной ответственности при предложенном дублировании иных мер, применяемых и к лицам, совершившим уголовный проступок, и к виновным в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, а предлагаемый условный характер иных мер нивелирует идею либерализации уголовного закона. В статье акцентируется внимание на положениях проекта, требующих доработки и дополнительного осмысления.

Ключевые слова: уголовный проступок; преступление; категории преступлений; освобождение от уголовной ответственности; иная мера уголовно-правового характера; либерализация уголовного законодательства; дифференциация уголовной ответственности; судебный штраф; наказание; законопроект; Верховный Суд.

© Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В., 2021

* Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова
наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, Россия, 163002
n.scripchenko@narfu.ru

** Анощенко Светлана Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева
Большевицкая ул., д. 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005
anoshenkovas@list.ru

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 11. — С. 142–154. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.142-154.

Criminal Misconduct: An Objective Need or a Declared Necessity?

Nina Yu. Skripchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
nab. Severnoy Dviny, d. 17, Arkhangelsk, Russia, 163002
n.skripchenko@narfu.ru

Svetlana V. Anoshchenkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminalistics and Criminology, Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaya ul., d. 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005
anoshenkovas@list.ru

Abstract. The actively defended idea of the Supreme Court of the Russian Federation on the inclusion of an offense of criminal misconduct in the criminal legislation was reflected in the revised draft federal law submitted to the Parliament on October 13, 2020. The purpose of the study is to determine the key changes in the content of the institutions of criminal misconduct and other measures of a criminal law nature proposed for consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation, to assess the objective need of the reforms initiated by the Supreme Court of the Russian Federation. The methodological basis is a set of methods of scientific knowledge. General scientific (analysis and synthesis, dialectics) and specific scientific research methods (system structural, formal legal) were used. A comparative analysis of draft laws allows us to classify the substantive content of acts constituting a criminal misconduct as key changes and the modification of other measures of a criminal legal nature. The authors critically assess the idea underlying the classification of acts as criminal misconduct. By laying in the criteria for the isolation of acts that are minimal in terms of the degree of danger, not legally significant elements of corpus delicti, but the types and amount of punishments, the lack of criminal experience, the interests of the business community, the developers of the draft law violate the system of law, since the proposed approach excludes the assessment of the public danger of the act based on the significance of the protected by the criminal the law of public relations. The meaning of the differentiation of criminal liability declared by the initiator of the reforms is lost with the proposed duplication of other measures applied both to persons who have committed a criminal misconduct and to those guilty of committing crimes of small or medium gravity, and the proposed conditional nature of other measures levels the idea of liberalizing the criminal law. The paper focuses on the provisions of the project that require revision and additional comprehension.

Keywords: criminal misconduct; crime; categories of crimes; exemption from criminal liability; another measure of a criminal law nature; liberalization of criminal legislation; differentiation of criminal liability; judicial fine; punishment; bill; Supreme Court.

Cite as: Skripchenko NYu, Anoshchenkova SV. Ugolovnyy prostupok: obektivnaya potrebnost ili deklariruemaya neobkhodimost? [Criminal Misconduct: An Objective Need or a Declared Necessity?]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(11):142-154. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.132.11.142-154. (In Russ., abstract in Eng.).

Идея более глубокой дифференциации преступных деяний посредством выделения уголовных проступков обсуждалась в правовой доктрине с конца 60-х гг. прошлого

века. В последние годы, она не только получила новое содержательное наполнение, но и нашла отражение в законопроекте, представленном Пленумом Верховного Суда РФ в Государствен-

ную Думу Федерального Собрания РФ в октябре 2017 г.¹

Определив в законопроекте уголовный проступок как самостоятельный вид нарушения закона, который не влечет наказания в виде лишения свободы, Пленум предложил не только дифференцировать ответственность за преступления небольшой тяжести, но и расширить перечень иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, впервые совершившим минимальные по степени общественно опасные деяния, отнеся к ним обязательные и исправительные работы. Приводя в пояснительной записке данные, свидетельствующие о востребо-

ванности на практике введенной по инициативе Верховного Суда РФ статьи 76.2 УК РФ, разработчики законопроекта прогнозировали «...дальнейшее снижение числа лиц, имеющих судимость, что будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества и поможет не калечить судьбу человека, который может еще исправиться»². Предлагаемые реформы были неоднозначно оценены в доктрине уголовного права, найдя как сторонников³, так и оппонентов⁴, но так и не стали предметом обсуждения депутатов, поскольку законопроект получил отрицательную оценку со стороны Правительства РФ⁵ и был отозван инициатором⁶.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка”» // URL: <http://www.supcourt.ru>.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <http://www.supcourt.ru>.

³ См., например: *Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В.* Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31; *Старостин С. А., Фатьянов А. А.* Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 20–28; *Сизова В. Н.* Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 19–22.

⁴ См., например: *Головкин Л. В.* Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2. С. 88–89; *Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф.* О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80–83; *Крылова Н. Е.* Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90–107; *Коробеев А. И., Шишов А. А.* Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.

⁵ Обосновывая свое решение о нецелесообразном внесении законопроекта в представленной редакции в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, эксперты Правительства РФ отметили, что предлагаемые изменения в части освобождения от ответственности лица, совершившего уголовный проступок, не согласуются со ст. 52 Конституции РФ, поскольку не учитывают интересы потерпевших, которым в результате совершения проступка причиняется вред. Кроме того, введение проектируемых иных мер уголовно-правового характера повлечет дополнительную нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительной системы и может потребовать дополнительного бюджетного финансирования. См.: Официальный отзыв Правительства РФ (Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству) на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» от 24.07.2018 № 5690п-П4 // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7>.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 25 «Об отзыве из Государственной Думы Федерального Собрания РФ проекта федерального закона № 612292-7 “О внесении изменений в Уго-

13 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда РФ предпринял вторую попытку законодательного закрепления новой дефиниции, внося в парламент переработанный проект федерального закона⁷.

Сравнительный анализ законопроектов позволяет отнести к ключевым изменениям содержательное наполнение деяний, образующих уголовный проступок, и модификацию иных мер, применяемых в связи с освобождением от уголовной ответственности.

Стремясь снять вопросы и критические замечания в части неопределенности правовой природы предлагаемой для законодательного закрепления новой дефиниции, инициаторы реформ акцентируют внимание на том, что уголовный проступок относится к числу уголовно наказуемых деяний, аккумулируя все признаки преступления, но по степени общественной опасности, равно как и опасности лица, его совершившего, является минимальным, что позволяет применить к виновному иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием, и исключающие судимость⁸.

Предлагая закрепить дефиницию уголовного проступка в самостоятельной норме (ст. 15.1 УК РФ в редакции проекта)⁹, Верховный Суд РФ, с одной стороны, расширил перечень относимых к нему деяний, включив в него не только преступления небольшой тяжести, санкция за которые не предусматривает лишения свободы, но и наказуемые лишением свободы 7 составов преступлений против собственности, а также 30 составов преступлений небольшой и средней тяжести, совершаемых в связи с осуществле-

нием предпринимательской или иной экономической деятельности; с другой стороны, ограничил, закрепив в качестве обязательного условия криминальный дебют виновного и исключив отдельные преступления небольшой тяжести, содержащие административную преюдицию (ст. 116.1, 151.1, 171.4 УК РФ), ряд преступлений против военной службы (гл. 33 УК РФ), а также деяния, необходимость криминализации которых обосновывалась особой значимостью уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений (к ним отнесены ч. 1 ст. 200.4 и ч. 1 ст. 207 УК РФ). По подсчетам разработчиков законопроекта, категория уголовных проступков будет насчитывать 112 составов преступлений небольшой и средней тяжести.

Приводя в пояснительной записке данные о том, что за деяния, предлагаемые к закреплению в числе уголовных проступков, в 2019 г. было осуждено 68,1 тыс. лиц, включая 35,6 тыс. (52 %) лиц, совершивших преступление впервые, при этом более трети (37 %) осужденных лица моложе 30 лет, Пленум прогнозирует позитивное влияние реформ на деловой климат в РФ, сокращение рисков ведения предпринимательской деятельности и создание дополнительных условий для социализации граждан, впервые совершивших деяния, не представляющих большой общественной опасности.

В рамках *de lege ferenda* предложено и определение лица, впервые совершившего преступление (примечание к ст. 15.1 УК РФ в редакции проекта), включающее лиц, не имеющих неснятую или непогашенную судимость и ранее не освобождавшихся от уголовной ответственности

ловный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <http://www.supcourt.ru>.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <http://www.supcourt.ru>.

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 24 // URL: <http://www.supcourt.ru>.

⁹ Ранее изменения ограничивались предложением дополнить ч. 2 ст. 15 УК РФ положением следующего содержания: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком».

в связи с применением иных мер уголовно-правового характера в течение одного года, предшествовавшего дню совершения преступления, имеющее юридическое значение только при оценке деяний, обладающих минимальной степенью общественной опасности.

Учитывая иное содержательное наполнение «уголовного проступка», охватывающего разнообразные и по характеру, и по степени общественной опасности деяния, в переработанном проекте предлагается новый подход к определению оснований и условий освобождения от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера (ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта). В отличие от диспозитивного основания освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести (и только при условии возмещения ущерба (заглаживания вреда), причиненного преступлением) (ч. 3 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта), освобождение от уголовной ответственности лиц (совершеннолетних), совершивших уголовный проступок носит императивный характер (ч. 1 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта). При этом возмещение ущерба закреплено в качестве обязательного условия только по отдельным уголовным проступкам, посягающим на право собственности и отношения в сфере экономической деятельности (ч. 2 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта). Предложенный для законодательного закрепления вид прекращения уголовного преследования носит условный характер, так как виновному будут назначены судом иные меры уголовно-правового характера, неисполнение которых повлечет возобновление производства по уголовному делу.

В целях дальнейшей дифференциации мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим уголовный проступок либо совершившим впервые преступления небольшой или средней тяжести, разработчики нормативного акта предлагают применять наряду с судебным штрафом не заявленные в первом варианте проекта обязательные и исправительные работы,

а общественные (ст. 104.6 УК РФ в редакции проекта) и ограниченно оплачиваемые работы (ст. 104.5 УК РФ в редакции проекта). При этом Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, «что по сравнению с соответствующими видами уголовного наказания предлагаемые новые иные меры по своему содержанию с учетом характера включенных в нормы ограничений, являются более мягкими (размеры удержаний и сроки исполнения сокращены в два раза, по сравнению с аналогичными видами наказаний), что будет способствовать снижению репрессивности уголовного закона»¹⁰.

Проект предусматривает императивное основание освобождение несовершеннолетнего, совершившего уголовный проступок от уголовной ответственности с применением одной из принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90 УК РФ в редакции проекта). В случае совершения подростком уголовного проступка против собственности или в сфере экономической деятельности (перечисленных в проектной ч. 2 ст. 76.2 УК РФ), он может быть освобожден судом от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия при условии возмещения причиненного вреда. При этом ущерб может быть возмещен как самим нарушителем, так и его родителями или законными представителями. В целях дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних предусматривается сокращение сроков принудительных мер воспитательного воздействия, назначаемых подросткам, совершившим уголовный проступок.

Значительную часть проекта составляют нормы, предусматривающие изменения и дополнения в уголовно-процессуальном законодательстве, корреспондирующие поправкам УК РФ.

Не имея возможности в условиях ограниченного объема более содержательно провести сравнительный анализ рассматриваемых актов и подробно описать суть предлагаемых изменений, остановимся на положениях последнего законопроекта, которые, на наш взгляд, не только носят спорный характер, но и ставят

¹⁰ Там же.

под сомнение объективную потребность и либеральный характер заявленных реформ.

Во-первых, вызывает нарекание сама идея, положенная в основу выделения деяний, образующих ядро уголовных проступков. Закладывая в критерии обособления преступлений, представляющих минимальную общественную опасность, не признаки состава преступления, отражающие характер и степень общественной опасности деяния, а виды и размеры наказаний, предусмотренные санкцией соответствующих норм, отсутствие у виновного криминального опыта, и даже «необходимость защиты предпринимательского сообщества от необоснованной уголовной репрессии»¹¹, разработчики законопроекта нарушают систему права, так как предложенный подход исключает оценку общественной опасности деяния исходя из значимости охраняемых уголовным законом общественных отношений. Выявленный дисбаланс усугубляет выборочный подход конкретизации уголовных проступков, который не только ставит вопросы об обоснованности дифференциации составов, содержащих административную преюдицию, оправданности разделения преступлений против собственности, но и подрывает основу, заложенную законодателем, при категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ), а также идет в разрез с принципами равенства граждан перед законом и справедливости. «Увязка» же понятия уголовного проступка с фактом «первые совершенного деяния», превращает рассматриваемую дефиницию в величину переменную — совершение одних и тех же деяний (при одних и тех же фактических обстоятельствах) одним лицом будет оцениваться как уголовный проступок, а другим — как преступление.

Предложенный для законодательного закрепления условный характер прекращения уголовного производства в отношении лиц, совершивших уголовный проступок, актуализи-

рует на практике вопрос о том, за что мы будем наказывать нарушителя, уклоняющегося от исполнения назначенных ему иных мер: за совершенный уголовный проступок или преступление небольшой (средней) тяжести; чем должен руководствоваться суд, оценивая характер и степень опасности совершенного лицом деяния?

Определяя уголовный проступок через понятие «преступление», авторы законопроекта нарушают логику, что лишает уголовный проступок самостоятельного смыслового содержания. При этом распадается целостность классификации преступлений, большая часть из которых разделяется по категориям, а некоторые преступления небольшой и средней тяжести, по сути, оставаясь преступлениями, должны быть отнесены к уголовным проступкам. Однако правила классификации запрещают относить одно и то же явление к разным группам.

В проекте подчеркивается, что уголовный проступок сохраняет все признаки преступления; отличие имеется лишь в степени общественной опасности деяния и общественной опасности лица, его совершившего. Инициаторы реформ лукавят, говоря о совпадении уголовного проступка и преступления по всем признакам. Если бы это было так, то в чем бы состоял смысл конструирования этого новообразования? Почему бы не пойти по пути дальнейшей классификации преступлений по категориям и не выделить, например преступления минимальной степени общественной опасности?¹² Ответ очевиден: у преступления и предлагаемого для закрепления варианта уголовного проступка имеется существенное различие: в уголовном проступке по факту его совершения отсутствуют такие уголовно-правовые последствия, обязательные для преступления, как наказуемость и состояние судимости. По сути, уголовный проступок — это деяние, формально

¹¹ Там же.

¹² В соответствии со ст. 24 Закона об уголовном праве Израиля проступок раскрывается через понятие «преступление», но наряду с тяжкими преступлениями и преступлениями средней тяжести выделяется как самостоятельная категория — преступление, наказание за которое не превышает трех месяцев тюремного заключения. См.: Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита М. Дорфман; науч. ред. Н. И. Мацнев. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2005. С. 42–43.

содержащие все признаки состава преступления, предусмотренного нормами Особенной части УК РФ, за которое вместо наказания применяются иные меры уголовно-правового характера. Что касается ссылки на минимальную степень общественной опасности содеянного, то у правоприменителя может возникнуть дилемма в оценке деяния как уголовного проступка и как малозначительного деяния, которое исходя из положений ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением. Однако и в этой части есть сомнения: насколько истинно утверждение о минимальной степени общественной опасности преступлений, относящихся к категории средней тяжести?

Изложенное позволяет заключить, что уголовный проступок не может рассматриваться как часть понятия «преступление» и не может соотноситься ни с какой из категорий преступлений; логически допустим лишь один вариант — определение уголовного проступка как самостоятельного уголовно значимого деяния, которое имело бы свои специфические признаки, по которым его можно было бы четко отграничить от преступления любой категории, от малозначительных деяний, а также от составов преступлений, содержащих административную. Например, в ст. 9 УК Швейцарии преступление и проступок — отдельные уголовно-правовые дефиниции, отличающиеся по наказуемости¹³.

Предложенный Верховным Судом РФ механизм идентификации уголовного проступка, автоматически перенес в деяния, в которых инициатор реформ не усмотрел большой общественной опасности, посягающие на здоровье человека (например, неквалифицированное заражение венерическим заболеванием (ч. 1 ст. 121 УК РФ), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ч. 1 ст. 123 УК РФ)), экологическую безопасность (преступления, угрожающие самой биологической основе существования человечества, неквалифицированные загрязнение вод (ч. 1 ст. 250 УК РФ), атмосферы (ч. 1 ст. 251 УК РФ), морской среды (ч. 1 ст. 252 УК РФ), порча земли

(ч. 1 ст. 254 УК РФ), а также нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК РФ), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК РФ)). Преступления же, общественная опасность которых вызывает большие нарекания, не попали в лоно уголовных проступков (например, фиктивная регистрация лиц по месту жительства (ст. 322.2 УК РФ) и фиктивная постановка на учет по месту пребывания в РФ (ст. 322.3 УК РФ)).

И вряд ли значительное число лиц, осужденных за преступления, планируемые для перевода в уголовные проступки (с учетом статистических данных о судимости за 2019 г. инициатор реформ прогнозирует распространение категории уголовного проступка на 68 044 лиц, в том числе 48 657 (72,97 %) лиц, совершивших преступления в сфере экономики) и криминальный дебют со стороны виновного являются достаточным основанием для законодательного пересмотра характера и степени общественной опасности деяния.

Критически следует оценить и предложенную для легального закрепления дефиницию «лица, впервые совершившего преступление», существенно отличающуюся от определения, данного Пленумом Верховного Суда РФ в п. 2 постановления «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Отсутствие унифицированного подхода к определению ключевых понятий не только дезориентирует правоприменителя, но и таит угрозу нарушения единства в реализации норм уголовного закона.

Во-вторых, предложенный для законодательного закрепления дублирующий характер иных мер, применяемых и к лицам, совершившим уголовный проступок, и к «впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести», сводит на нет саму идею дифференциации преступных деяний, равно как и уголовной ответственности. Конечно, в отличие от императивного основания освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный

¹³ См.: Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл., пер. с нем. А. В. Серебренниковой. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 75.

проступок (ч. 1 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта), обремененного в отдельных случаях (ч. 2 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта) условием возмещения ущерба (заглаживаем вреда), прекращение уголовного преследования в отношении виновных в совершении преступлений небольшой или средней тяжести носит диспозитивный характер (ч. 3 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта), но формирующаяся в последние годы практика реализации ст. 76.2 УК РФ показывает, что освобождению от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа не препятствует ни объективная невозможности возмещения ущерба, ни отсутствие у виновного источника дохода¹⁴ (снижение «требовательности» судов определяет широкую практическую реализацию ст. 76.2 УК РФ, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные, демонстрируемые разработчиком законопроекта в пояснительно записке). Отсутствие в ч. 1 ст. 76.2 УК РФ проекта среди условий освобождения от уголовной ответственности возмещения вреда не соотнобразуется с идеей позитивного посткриминального поведения как одного из базовых оснований, позволяющих отказаться от осуждения виновного и применения к нему мер государственного принуждения. И. Звечаровский и А. Амичба справедливо отмечают, что условные меры уголовно-правового характера по своей юридической природе и социально-правовому значению носят льготный характер, характер опережающего заслугу поощрения¹⁵. Это означает, что такой вариант реагирования на преступление со стороны государства как отказ от уголовно-правового воздействия виновный должен заслужить, а правоприменитель обязан констатировать снижение общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Освобождение от уголовной ответственности (равно

как и освобождение от наказания, смягчение наказания, применяемые в качестве поощрения осужденных, отмена условного осуждения и досрочное снятия судимости) традиционно строится на идее стимулирования позитивного посткриминального поведения виновного лица. А как показывают изменения уголовного закона последних лет, форма такого поведения связана именно с возмещением вреда, причиненного преступлением, свидетельствующая не только о снижении общественной опасности виновного лица, но и об осознании тяжести, причиненного ущерба, что внесет в себе значительный профилактический потенциал.

Вряд ли можно поддержать идею Верховного Суда РФ снять бремя возмещения ущерба и по экономическим соображениям. Как долго будет ждать потерпевший возмещения вреда при обращении в порядке гражданского судопроизводства, учитывая приоритеты государства, «заложенные» в содержание иных мер? На чем тогда планируют сэкономить разработчики проекта (если потерпевший будет вынужден повторно обращаться за защитой своих прав в суд) и приведут ли изменения к ожидаемой процессуальной экономии?

В-третьих, ограничившись корректировкой в наименовании иных мер, авторы законопроекта, оставили неизменным суть ограничений, лежащих в основе новых иных мер и соответствующих видов наказаний (единственным формальным отличием является их срок (размер удержаний)), что не только идет в разрез с правилами юридической техники, ориентирующих на унифицированный подход к определению дублирующих правовых предписаний, но и по справедливому замечанию Н. Е. Крыловой, свидетельствует о предложенном законодательном закреплении не нового вида освобождения от

¹⁴ Подробнее см.: Анощенко С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114–125 ; Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106–114 ; Она же. К вопросу о последствиях неуплаты судебного штрафа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 3. С. 639–650.

¹⁵ Звечаровский Э., Амичба А. Условные меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2020. № 5. С. 48.

уголовной ответственности, а еще одной формы ее реализации, хотя и в упрощенном порядке¹⁶.

Содержательное дублирование иных мер и видов наказания может поставить суд в тупик при решении вопроса о том, какие меры уголовно-правового характера могут быть назначены обвиняемому в случае их отмены, в связи с уклонением от исполнения, так как в арсенале у суда остаются все те же принудительные меры, хотя и под другим названием, но они уже показали свою неэффективность.

В-четвертых, предлагая законодательно расширить перечень иных мер уголовно-правового характера, Верховный Суд РФ оставил правоприменителя без ориентиров, позволяющих индивидуализировать и обосновать выбор вида и сроков (размера удержания) иных мер. Выявленный пробел таит не только коррупционные угрозы, но и создает условия для нарушения принципов справедливости и законности, так как суд будет вынужден обращаться к нормам УК РФ, регламентирующим порядок и условия назначения наказания, что недопустимо в условиях запрета применения уголовного закона по аналогии.

При реализации новых норм на практике суды столкнутся не только с вопросами обоснования назначенных иных мер уголовно-правового характера (учитывая, что не все санкции составов преступлений содержат наказания-дублиеры, и вряд ли санкцию можно будет использовать в качестве ориентира), но и с проблемой дифференциации иных мер, назначаемых лицам, совершившим уголовный проступок и виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. Вряд ли практика будет отличаться единообразием в вопросах определения иных мер лицам, совершившим совокупность уголовных проступков, уголовный проступок и преступление, покушение на уголовный проступок. На какие положения уголовного закона может опереться суд, назначая

принудительные меры воспитательного воздействия несовершеннолетнему, совершившему уголовный проступок и преступление небольшой тяжести, учитывая, что предлагаемое для закрепления в ст. 90 УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности будет носить императивный характер. Предложенные для законодательного закрепления иные меры носят условный характер и подлежат отмене в связи со злостным уклонением виновного от исполнения, но как быть суду в случае объективной невозможности исполнения лицом назначенных мер (например, по причине болезни). Следует дополнительно отметить, что решение указанных вопросов повлияет не только на объем правоограничений виновного в совершении уголовного проступка, но и на определение криминального дебюта в случае повторного совершения преступного деяния.

В-пятых, вряд ли закрепление освобождения от уголовной ответственности с применением иных мер уголовно-правового характера в качестве императивного основания (ч. 1 и 2 ст. 76.2 УК РФ в редакции проекта), обеспечивает провозглашенную гуманизацию уголовного судопроизводства, так как лицо, совершившее наименьшее по степени опасности деяний — уголовный проступок, не может претендовать на освобождение по другим основаниям (ст. 75, 76 УК РФ), которые носят безусловный характер и не влекут применения мер государственного принуждения¹⁷. Об экспансии судебного штрафа свидетельствуют данные уголовной статистики, отражающие практическую востребованность ст. 76.2 УК РФ за счет сокращения применения ст. 75 и 76 УК РФ. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. суды вынесли решение о прекращении уголовного дела по ст. 76.2 УК РФ в отношении 20 692 обвиняемых; по ст. 75 и 76 УК РФ соответственно 12 817 и 13 5956; в 2018 г. по ст. 76.2 УК РФ — 33 329, по ст. 75 и 76 УК РФ — 11 991

¹⁶ Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 97.

¹⁷ Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного Пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 85–90.

и 12 5873; в 2019 г. по ст. 76.2 УК РФ — 52 460, по ст. 75 и 76 УК РФ — 8 889 и 10 6091¹⁸. Анализ этих показателей за 2018 и 2019 гг. лишь подтверждает усиление означенной тенденции: лиц, освобожденных на основании ст. 76.2 УК РФ, становится больше, при этом снижается интенсивность применения ст. 75 и 76 УК РФ.

Не случайно и в отзыве Правительства РФ на первый законопроект указывалось о возможных дополнительных затратах, связанных с увеличением нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Лица, освобожденные от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера, не могут претендовать на акты амнистии, так как формально уголовное преследование в отношении них прекращено. Нельзя их и досрочно освободить от отбывания иных мер или сократить (рассрочить) назначенный карательный потенциал, так как указанные лица юридически выведены из сферы уголовно-правоотношений. На практике не исключены случаи, когда лица, совершившие аналогичные деяния, будут подвергнуты разным мерам уголовно-правового характера по названию, но тождественным по содержанию, при этом в привилегированном положении окажется то лицо, которое будет отбывать наказание, а не более мягкую иную меру. Например, только осужденный (а не освобожденный от уголовной ответственности) может претендовать на соответствующие виды отсрочки отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ), а также освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). В случае отмены иных мер в связи со злостным уклонением виновного от их исполнения осужденный будет лишен возможности зачесть отбытые иные меры в срок назначенного наказания (а иные меры по своему карательному потенциалу не отличаются от соответствующих видов наказаний). И сроки давности обвинительного приговора (ст. 83

УК РФ), и сроки погашения судимости (ст. 86 УК РФ) в указанных случаях будут уже привязаны не к уголовному проступку, который по сути и совершил виновный, а категории преступления, определяемой по правилам ст. 15 УК РФ.

Изложенное актуализирует вопросы о преимуществах и гуманизме предлагаемых к законодательному закреплению институтов¹⁹ и острой необходимости предлагаемых реформ.

Учитывая, что новые институты интегрируются в уже выстроенную уголовно-правовую систему, их закрепление без соответствующей «увязки» будет вынуждать правоохранные органы искать выход из затруднительного положения, в которое его пытается поставить законодатель. Реализуя нормы уголовного закона, суды будут вынуждены искать ответы на вопросы: какие меры уголовно-правового характера применять к лицу, совершившему преступление в период применения иных мер; какая должна быть уголовно-правовая оценка покушения на уголовный проступок и какие меры применять к виновному; допустима ли необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния от посягательств, относящихся к уголовному проступку; возможен ли «перевод» преступления небольшой тяжести в категорию уголовных проступков и др. Конечно, судебной практике уже привычно корректировать издержки законодательства, но вряд ли стоит их увеличивать посредством предлагаемых реформ.

Мы затронули далеко не все положения анализируемого проекта, которые требуют доработки и дополнительного осмысления (например, о «сырости» документа свидетельствует и отсутствие в нем положений, восполняющих пробелы уголовного закона, выявленные в процессе реализации уже действующей иной меры — судебного штрафа, в части конкретизации основания перекрещения уголовного преследования; правил назначения судебного штрафа при совокупности преступлений; минимального размера

¹⁸ См.: Сводные отчеты статистических данных о состоянии судимости за 2017–2019 гг. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.

¹⁹ Крылова Н. Е. Указ. соч. С. 98.

судебного штрафа и др.), и начинать необходимо с определения целей предполагаемых реформ. Так, если в планах снизить число лиц, имеющих судимость, то изменения могут ограничиться корректировкой ст. 86 УК РФ; если усилия направляются на защиту предпринимательского сообщества от необоснованной уголовной репрессии, то изменения целесообразнее вносить в содержание соответствующих составов преступлений; если мы добиваемся сокращения количества лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести, то объектом внимания должны быть как соответствующие криминальные деяния, так и институты наказания и освобождения от уголовной ответственности.

Идея введения в УК РФ понятия уголовного проступка так или иначе сводится к вопросу об освобождении от уголовной ответственности, которому уделяется огромное внимание законодателем в течение предшествующих пяти лет.

Нет необходимости доказывать, что данный институт претерпел существенные изменения, что дало свои ощутимые результаты, по крайней мере, в количественном выражении. Так, общее число лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено судом, увеличилось с 2 % в 1999 г. до 24 % в 2019 г.²⁰ (то есть в 12 (!) раз). Вместе с тем исследователи констатируют истощаемость ресурса института освобождения от уголовной ответственности: «...едва ли не все разнообразные, преимущественно экстенсивные, меры по совершенствованию закона в этой части уже задействованы»²¹. Поэтому законодателю следует объективно оценить целесообразность дальнейшего нормативного расширения данного института. Возможно, лучший вариант для снижения доли криминально пораженной части населения — это обоснованная криминализация и адекватная пенализация общественно опасных деяний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акутаев Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. — 2013. — № 5. — С. 41–45.
2. Анощенкова С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 114–125.
3. Безверхов А. Г. Денисова А. В. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 25–29.
4. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. — 2016. — № 11. — С. 2–5.
5. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. — 2016. — № 12. — С. 20–31.
6. Головки Л. В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 2. — С. 77–90.
7. Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита М. Дорфман; науч. ред. Н. И. Мацнев. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2005. — 412 с.
8. Звечаровский Э., Амичба А. Условные меры уголовно-правового характера // Уголовное право. — 2020. — № 5. — С. 47–50.
9. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.

²⁰ Лебедев В. М. Осуждению не подлежит // URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 15.10.2020).

²¹ Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 65.

10. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 80–84.
11. Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. — 2015. — № 8. — С. 90–107.
12. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М., 1969. — 232 с.
13. Курляндский В. И. Уголовная ответственность за проступки : Демократия и право развитого социального общества. — М., 1975. — 420 с.
14. Лебедев В. М. Осуждению не подлежит // URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html/> (дата обращения: 15.10.2020).
15. Морозов А. Г. Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности статья 762 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»)? // Российская юстиция. — 2018. — № 9. — С. 17–19.
16. Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 59–76.
17. Сизова В. Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. — 2020. — № 3. — С. 19–22.
18. Скрипченко Н. Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 106–114.
19. Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного Пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журнал российского права. — 2018. — № 10. — С. 85–90.
20. Старостин С. А., Фатьянов А. А. Уголовный проступок: правовая необходимость или очередная красивая теория? // Административное право и процесс. — 2017. — № 12. — С. 24–26.
21. Тимошенко Ю. А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 112–116.
22. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. — М., 1987. — 276 с.
23. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл., пер. с нем. А. В. Серебренниковой. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 366 с.
24. Янина И. Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. — 2020. — № 1. — С. 112–121.

Материал поступил в редакцию 3 декабря 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akutaev R. M. Ob ugolovnyh prostupkah i kategorizacii prestuplenij v svete postanovleniya Konstitucionnogo Suda RF ot 14 fevralya 2013 g. // Rossijskaya yusticiya. — 2013. — № 5. — S. 41–45.
2. Anoshchenkova S. V. Naznachenie sudebnogo shtrafa: voprosy teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 7. — S. 114–125.
3. Bezverhov A. G. Denisova A. V. O stanovlenii instituta ugolovnogo prostupka v sisteme rossijskogo ugolovnogo prava // Ugolovnoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 25–29.
4. Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. Zakreplenie ugolovnogo prostupka v kontekste reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii // Rossijskaya yusticiya. — 2016. — № 11. — S. 2–5.

5. Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. Mirovaya yusticiya i ugovolnyj prostupok: mnenie uchenogo i praktika (obosnovanie problemy, sovremennoe sostoyanie i mery po sovershenstvovaniyu) // Mirovoj sud'ya. — 2016. — № 12. — S. 20–31.
6. Golovko L. V. Granicy ugovolnogo prava: ot formal'nogo k funkcional'nomu podhodu // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. — 2013. — № 2. — S. 77–90.
7. Zakon ob ugovolnom prave Izrailya / predisl., per. s ivrita M. Dorfman ; nauch. red. N. I. Macnev. — SPb. : Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr-Press», 2005. — 412 s.
8. Zvecharovskij E., Amichba A. Uslovnye mery ugovolno-pravovogo haraktera // Uголовное право. — 2020. — № 5. — S. 47–50.
9. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Ugolovnyj prostupok skvoz' prizmu instituta administrativnoj preyudicii: blago ili zlo? // Uголовное право. — 2017. — № 4. — S. 68–72.
10. Kruglikov L. L., Lapshin V. F. O posledstviyah vklyucheniya kategorii «ugolovnyj prostupok» v rossijskij ugovolnyj zakon // Uголовное право. — 2017. — № 4. — S. 80–84.
11. Krylova N. E. Gumanizaciya ugovolnogo zakonodatel'stva prodolzhaetsya? Analiz proektov federal'nyh zakonov, odobrennyh Plenumom Verhovnogo Suda RF 31 iyulya 2015 g. // Zakon. — 2015. — № 8. — S. 90–107.
12. Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost'. — M., 1969. — 232 s.
13. Kuryandskij V. I. Ugolvnaya otvetstvennost' za prostupki : Demokratiya i pravo razvitogo socialisticheskogo obshchestva. — M., 1975. — 420 s.
14. Lebedev V. M. Osuzhdeniyu ne podlezhit // URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html/> (data obrashcheniya: 15.10.2020).
15. Morozov A. G. Yavlyaetsya li osnovaniem osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti stat'ya 762 UK RF («Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa»)? // Rossijskaya yusticiya. — 2018. — № 9. — S. 17–19.
16. Pudovochkin Yu. E., Tolkachenko A. A. Osnovnye napravleniya mezhotraslevogo sovershenstvovaniya instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 4. — S. 59–76.
17. Sizova V. N. Nekotorye aspekty neobhodimosti zakrepleniya kategorii «ugolovnyj prostupok» v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve // Rossijskaya yusticiya. — 2020. — № 3. — S. 19–22.
18. Skripchenko N. Yu. Sudebnyj shtraf: problemy realizacii zakonodatel'nyh novell // Zhurnal rossijskogo prava. — 2017. — № 7. — S. 106–114.
19. Skripchenko N. Yu. «Ugolovnyj prostupok»: nakazat' nel'zya osvobodit' (analiz proekta federal'nogo zakona, odobrennogo Plenumom Verhovnogo Suda RF 31 oktyabrya 2017 g.) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2018. — № 10. — S. 85–90.
20. Starostin S. A., Fat'yanov A. A. Ugolovnyj prostupok: pravovaya neobhodimost' ili ocherednaya krasivaya teoriya? // Administrativnoe pravo i process. — 2017. — № 12. — S. 24–26.
21. Timoshenko Yu. A. Ugolovnyj prostupok: sposob mezhotraslevogo sblizheniya ili differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti? // Uголовное право. — 2017. — № 4. — S. 112–116.
22. Ugolovnyj zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya / otv. red. V. N. Kudryavcev, S. G. Kelina. — M., 1987. — 276 s.
23. Ugolovnyj kodeks Shvejcarii / nauch. red., predisl., per. s nem. A. V. Serebrennikovoj. — SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2002. — 366 s.
24. Yanina I. Yu. Instrumenty priznaniya kriminalizovannogo deyaniya ugovolnym prostupkom (na primere prestuplenij protiv lichnosti) // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 1. — S. 112–121.